

Противостоящая времени

Выг. Москва - 1995 - 5 лнв. - 9 4

Еще несколько слов об Улановой

Слава Улановой огромна. Ее имя стоит в одном ряду с балеринами века — Марией Тальони, Анной Павловой. О ней написано великое множество статей, изданы книги, самые выдающиеся современники оставили восторженные высказывания об ее искусстве. В Стокгольме воздвигли статую Улановой напротив Музея балета, в одном из парков Петербурга стоит ее бюст. Но все это существует как бы отдельно от нее, почти не касаясь одинокой, хрупкой, абсолютно беспомощной в житейском смысле женщины, которая живет в огромном, мрачноватом, по-моему, совсем неуютном «высотном» доме на Котельнической набережной.

Г. С. Уланова у портрета выдающейся русской балерины XIX века Е. А. Санковской в Музее имени А. А. Бахрушина, 1983 г.

В этом доме очень тяжелые, массивные входные двери, но Галина Сергеевна открывает их без видимых усилий. У нее сильные руки, легкая, но твердая походка хорошо тренированного человека. Старинные, с бронзовой ручкой входные двери Большого театра также тяжелы, но Уланова без видимых усилий открывает их вот уже больше пятидесяти лет. Покинув сцену, она продолжает работать по сей день, стараясь передать все, что умеет и знает, молодым балеринам. С годами уходят партнеры, друзья, близкие люди, только неизменяющая воля к творческому труду помогает преодолеть то и дело подступающее чувство одиночества, заставляет быть всегда собранной, спокойно сосредоточенной на самых мельчайших деталях партий, которые теперь танцуют другие. Она стремится воспитать в них прежде всего чувство меры, которое и есть искусство. Чувство меры, творческого самоограничения сопровождало ее всю жизнь, пожалуй, именно это чувство она ценит в людях искусства больше всего.

У каждой выдающейся балерины есть поклонники и поклонницы. Конечно, они были и у Улановой, непохожие на шумных почитателей других балерин, — застенчивые интеллигентные девушки, иногда дарившие ей скромные букетики фиалок или ландышей, не решавшиеся подойти к ней, заговорить с ней. Они появи-

лись в послевоенные годы, когда люди после всех испытаний тянулись к красоте, к музыке, к театру, когда консерваторские и театральные залы были переполнены.

У каждой из них своя профессия, работа, семья, своя жизнь. Уланова давно не танцует, они давно не ходят на ее спектакли, но оказалось, что все эти долгие годы она жила в их сердце, оставалась тем светом, который в юности озарил их душу. И вот теперь, когда ей бывает одиноко и трудно, когда и в театре, расколотом враждой, мало что радует и согревает, они возникли, напомнили о себе. И всем, чем могут, помогают своей богине.

Я хорошо понимаю этих женщин, ибо и для меня воспоминания о танце Улановой поддерживают веру в спасительную силу красоты, надежду на бессмертие подлинного искусства.

В чем же было магическое воздействие гения Улановой? Она вспоминает, как однажды в детстве поздно вечером проснулась и увидела свою мать, добрейшую, светлую Марию Федоровну Романову, в то время солистку Мариинского театра, стоявшую перед зеркалом со шваброй, повернутой щетиной вверх, в руках. Мария Федоровна производила какие-то неспешные, величавые движения с этой шваброй. Маленькая Уланова долго не могла понять, что

происходит, это была ее мама и вместе с тем какое-то другое, незнакомое существо. Как выяснилось потом, Мария Федоровна получила в театре партию феи Сирени, репетировала ее перед зеркалом, а швабра заменяла волшебный жезл доброй феи.

Уланова узнала об этом много позднее и много позднее поняла, что тогда впервые столкнулась с таинством сценического преобразования. Может быть, танцую в балете «Золушка» со шваброй, воображая себя на балу, куда Золушку не взяли, Галина Сергеевна вспоминала этот смешной и трогательный эпизод из своего детства.

Все оживало на сцене, когда танцевала Уланова, жизнь ее воображения преображала все вокруг и ее самое.

Она говорит своей ученице, репетировавшей Сильфиду, — «на сцене все фальшиво и некрасиво вблизи, но ты, глядя на это грубо нарисованное дерево, должна представить его прекрасным, видеть цветущим и благоуханным, тогда ты и сама почувствуешь себя дочерью леса и воздуха, таинственной Сильфидой...»

Уланова до сих пор живет в мире воображения, прекрасных вымыслов, инстинктивно сторонится всего житейского, в том числе и бурных проявлений театрального быта. Она всегда была в стороне от интриг и борьбы, на ее веку и в Мариинском, и в Большом театре сменилось немало директоров и главных балетмейстеров, но она никогда не участвовала в их смещении и назначении. И сейчас ей не хочется идти в театр, раздражаемый вполне прозаическими страстями.

Ей предлагали отметить юбилей, появиться в золотой ложе Большого театра на спектакле, который будут танцевать в ее честь. Уланова категорически отказывается, сейчас не время для праздников в театре, который переживает смуту.

Ее имя — Уланова, и она остается ею по сей день. Каждое утро около часу она делает почти все упражнения у станка, ей и сейчас не изменили девическая легкость и грация. Она Уланова. Великая актриса. Абсолютно естественная, иногда загадочно замкнутая, иногда по-детски непосредственная. Страдающая, когда искусство вытесняется ожесточением и тщеславной суетой. Прославленная, всемирно известная балерина-ассолюта. Хрупкая, беспомощная женщина мужественно противостоящая времени, житейским невзгодам и одиночеству.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН
Фото Виктора БАЖЕНОВА